

*Алексей Гусев**

Андеркласс и маргинальность: сравнительный анализ современных теорий и Чикагской концепции

В последние десятилетия в научном сообществе (прежде всего американском) сформировался концепт так называемого «андеркласса». Под ним понимается небольшая прослойка населения (обычно это расовые и этнические меньшинства), живущая значительно хуже, чем основная часть общества. Теории «андеркласса» активно разрабатываются западными экономосоциологами начиная с 80-х годов и уже прочно вошли в научный арсенал исследователей социальной стратификации. Этот термин прижился и в отечественной социологической литературе, хотя авторы редко упоминают его предысторию.

Говоря об «андерклассе», необходимо иметь в виду укорененность данной концепции в определенной социологической традиции. Укорененность напрямую зависит от того, связана ли эта теоретическая конструкция с другими концепциями нижних слоев общества. Особенно важно установить идейные истоки, выявить возможных теоретических предшественников. Для исследователей «андеркласса» такими предшественниками, как нам представляется, являются социологи Чикагской школы, изучавшие социальное дно Америки в первой трети XX в., задолго до возникновения самого термина «андеркласс». Их, помимо всего прочего, интересовала природа бедности и связанной с ней девиации. Вопрос о том, откуда в «стране равных возможностей» (каковой чикагские социологи искренне считали США) появляется нищета, – стал ключевым как для современных ученых, так и для представителей Чикагской школы.

Цель данной работы – сравнить теоретические и прикладные исследования маргинальности, проведенные чикагскими социологами в начале XX в., с современными теориями андеркласса. Сравнение будет производиться по основным позициям концепций. Работа состоит из двух частей. В первой представлен краткий обзор современных взглядов на изучение нижних слоев общества, выделены их характерные признаки; во второй – эти признаки сопоставлены с представлениями о маргинальности и девиации социологов Чикагской школы.

Понятие «андеркласса» в современных теориях стратификации

Понятие «андеркласс» очень размыто, и его устоявшихся определений не существует. Только в одной обзорной статье Лидии Моррис их приведено более десятка, из которых трудно выбрать более адекватное, чем остальные [2]. Изначально андеркласс являлся собирательным понятием для тех низших слоев, которые невозможно было включить в классические вертикальные схемы стратификации. С этой позиции андеркласс может быть решением одной из важных проблем стратификационного анализа. В традиционную модель, основанную на материальной обеспеченности или социально-профессиональном статусе и престиже, всегда крайне сложно включить безработных, поскольку они формально не имеют отношения к экономической деятельности либо заняты в теневой экономике, что еще больше затрудняет их классификацию. В качестве примера такого подхода можно привести следующее высказывание, характерное для британских дискуссий об андерклассе: «еще ниже двух рабочих классов (т.е. ниже класса квалифицированных и неквалифицированных работников ручного труда) совершенно очевидно располагается андеркласс ... Как правило,

* Гусев Алексей Николаевич, аспирант МГИМО

именно они (представители андеркласса) являются безработными в течение длительного времени» [2].

Некоторые социологи определяют эту группу еще шире. Например, известный исследователь Кен Аулетта включал в андеркласс четыре категории населения:

- 1) пассивные бедные (люди, в течение длительного времени получающие государственную помощь, например, матери-одиночки);
- 2) агрессивные уличные преступники, наркоманы;
- 3) полные сил люди, занятые в теневой экономике и в редких случаях вовлеченные в насильственные преступления;
- 4) пьяные, бродяги и психические больные [2].

Не менее размытое определение приводит Уилсон, автор многих исследований низших слоев американского общества. По его словам, в состав андеркласса входят «индивиды, которым не хватает опыта и умений и которые или переживают период длительной безработицы, или не входят в состав рабочей силы; индивиды, участвующие в уличных преступлениях, а также те, чье поведение отклоняется от нормы в любой другой форме; домохозяйства, долго живущие в бедности и/или в зависимости от помощи государства» [13].

Среди исследователей нет единства по поводу не только определения андеркласса, но и причин его возникновения. В западной социологии основные дискуссии ведутся между сторонниками двух основных подходов – структурного и культурного (базирующегося на изучении культуры бедности). Сторонники структурного подхода в большей степени тяготеют к традиционной схеме стратификации и традиционному объяснению бедности через экономические причины. Согласно их доводам, андеркласс мог сформироваться только в результате специфических исторических условий, которые сложились в западных странах (преимущественно в США) во второй половине XX в. Появление андеркласса во многом обусловлено политикой социальной помощи малоимущим и безработным, которую проводили власти на протяжении десятилетий. Бульшая часть низших слоев стала зависеть от государственных дотационных пособий, предоставляемых безработным, многодетным семьям и др. Наиболее острыми эти проблемы оказались среди представителей этнических и расовых меньшинств, сконцентрированных в бедных кварталах, гетто. В этом американская специфика андеркласса – именно в Америке этнические различия наиболее ярко трансформируются в различия стратификационные.

Зависимость от государственных дотаций, по мнению некоторых социологов (например, Мюррея), изменила структуру семьи и гендерные роли. Мюррей обращает внимание на увеличение числа домохозяйств, возглавляемых чернокожими женщинами. С его точки зрения, мужчина из нижних слоев общества утратил свой прежний статус кормильца семьи, поскольку матерям-одиночкам выплачивается компенсация, составляющая основу дохода. Распад нуклеарной семьи вследствие наличия гарантированной социальной помощи ведет к утрате стимулов работать и у мужчин, и у женщин [5].

В специфическом характере безработицы видит причину проблемы крупнейший исследователь андеркласса Уильям Уилсон. Однако он усматривает здесь каузальную цепочку, идущую в обратном направлении (относительно вышеуказанной). По его мнению, сложившаяся структура рынка труда не позволяет чернокожим мужчинам иметь высокий доход, а значит, и возможность содержать семью. В его исследованиях 70-х годов показано, что процент безработицы среди чернокожего населения в 2,5 раза выше, чем среди белых [12]. Именно эта ситуация (а не наоборот) является причиной того, что в нижних слоях населения «предложение» мужей (как кормильцев семьи) очень невелико. Следовательно, женщины предпочитают пользоваться государственной помощью как основным источником финансирования, а не надеяться на заработок потенциального мужа.

Особую роль среди всех противоречий концепции, вокруг которых не утихают дискуссии, играет вопрос о значимости расы в неблагоприятном положении андеркласса. В Америке этот вопрос является весьма ангажированным, чрезмерно нагруженным

ненаучными соображениями политкорректности. Всевозможные рассуждения на тему расовой и этнической обусловленности социального статуса подвергаются постоянной критике, поэтому ведутся крайне осторожно и сильно корректируются с учетом общественного мнения. Однако полностью отрицать влияние расовой принадлежности на стратификационную позицию – означает идти против фактов, против результатов эмпирических исследований.

Такую неоднозначную позицию занимает Уилсон в своей первой крупной работе, посвященной андерклассу – «Снижающаяся значимость расы». Автор иногда противоречит сам себе. Основная идея его книги состоит в том, что среди чернокожего населения США существует такая же стратификация, как и среди белых. Главной тенденцией 60-х и 70-х годов. Уилсон считает увеличение черного среднего класса [12]. Однако он же отмечает, что средний заработок чернокожего квалифицированного работника как ручного, так и умственно труда ниже, чем аналогичный заработок белого. Кроме того, среди негров гораздо выше уровень безработицы, и именно этот факт порождает проблемы, ассоциирующиеся с андерклассом – преступность, девиантное поведение, многодетные матери-одиночки и т.д. Таким образом, Уилсон приходит к противоречию: с одной стороны, чернокожее население стратифицируется с помощью обычных критериев, в нем выделяется растущий средний класс; с другой стороны, любая позиция негра в стратификационной шкале ниже соответствующей позиции белого американца, и именно негры составляют большинство андеркласса.

В дальнейших своих исследованиях Уилсон пытался разрешить это противоречие, постепенно смещаясь от структурных обоснований андеркласса к культурным. В работе «Реально депривированные» («The Truly Disadvantaged») он пишет о пространственной и социальной изоляции представителей андеркласса, вследствие которой они не могут получить работу. Этот фактор автор считает решающим в сохранении неблагоприятного положения андеркласса.

Неблагополучное положение именно негритянских кварталов и их жителей, по мнению Уилсона, уходит корнями не в остатки расистских предрассудков, а в историческую специфику внутриамериканской миграции чернокожего населения [13]. Негры, приехавшие из южных штатов в северные города, занимали самые низкие позиции в стратификационной системе. Они сначала притеснялись местным чернокожим населением, жившим в развитых мегаполисах Севера на протяжении нескольких поколений. Это могло выражаться в эксплуатации в рамках теневой экономики, в неформальной иерархии и т.д. С другой стороны, мигранты были готовы выполнять самую низкооплачиваемую, не престижную работу, на которую местные не соглашались. Это, в свою очередь, способствовало увеличению числа безработных, особенно среди «старых» жителей негритянских кварталов.

Рост безработицы подстегивался структурными сдвигами в экономике, которой требовалось все меньше низко квалифицированных рабочих кадров, занятых тяжелой физической работой. Большинство таких кадров составляли как раз представители негритянского населения, соответственно, перестройка структуры занятости сильнее всего ударила по ним. Основную массу новых рабочих мест составляли вакансии среди «белых воротничков», где требовались высокая квалификация и образование, т.е. те характеристики, которыми не обладало большинство чернокожего населения.

Параллельно шел процесс переселения возникающего черного среднего класса на городские окраины. Именно в этих новых районах, где были более приемлемые условия жилья, сосредоточилась основная масса квалифицированного негритянского населения, здесь же работодатели и размещали свои объявления о вакансиях. Малоимущие слои остались в старых кварталах, обычно приближенных к центру городов. Их Уилсон обозначает термином «inner city» – «внутренний город». В них же концентрируется андеркласс, изолированный от социальных и экономических процессов, происходящих в остальной части города [13].

Таким образом, все проблемы, характерные для андеркласса оказываются пространственно локализованы в небольших районах-гетто, населенных преимущественно расовыми или этническими меньшинствами (негры, латиноамериканцы, выходцы из Азии). В этих условиях проблемы становятся застойными, переходящими от поколения к поколению. Дети, проходящие социализацию в среде, для которой не приемлемы ценности и поведение остальной части общества, практически не могут приспособиться к ним в экономически активном возрасте. Кроме того, в бедных районах невозможно найти хорошую, высокооплачиваемую работу – работодатели негативно относятся к привлечению кадров из представителей андеркласса. Поэтому они оказываются вовлеченными в теневую экономику, преступную деятельность, формируют особую маргинальную субкультуру.

Изложенные исследовательские позиции весьма противоречивы, дискуссии по ключевым вопросам теорий андеркласса не стихают уже 30 лет. Однако в них можно выделить определенные схожие моменты. Разумеется, основная характеристика андеркласса – застойная бедность, но ее одной для определения этого комплексного явления недостаточно. На основе изложенного материала можно выделить сопутствующие характеристики андеркласса:

1. Взаимосвязь с программами социальной защиты малоимущих;
2. Девиантное, иногда преступное поведение;
3. Основная масса – представители расовых и этнических меньшинств;
4. Пространственная концентрированность в неблагополучных кварталах-гетто.

Именно по этим четырем характеристикам исследования Чикагской школы будут сравниваться с современным представлением об андерклассе.

Чикагская концепция маргинальности

Краткое описание теоретических воззрений Чикагских социологов

Прежде чем перейти к непосредственному сравнению современных исследований с теориями, разработанными представителями Чикагской школы, необходимо кратко охарактеризовать условия возникновения этих теорий.

Социологи, работавшие в Чикагском университете в первой трети XX в., были, пожалуй, первыми, кто обратился к изучению труднодоступного мира социального дна. Существенным достижением Чикагской школы было то, что их исследования носили не только (и не столько) теоретический, но и прикладной характер. Маргинальность изучали и ведущие теоретики Чикагской школы (Роберт Парк, Уильям Томас, Эрнст Бёрджесс), и их студенты, проводившие полевые исследования. Именно эти малоизвестные социологи (Н. Андерсон, П. Кресси, К. Шоу, Г. МакКей и др.) собрали колоссальный объем информации о жизни низших слоев населения Чикаго.

С одной стороны, их интерес к этой проблеме был обусловлен социальным заказом. Городские власти и крупный бизнес Чикаго были обеспокоены возникновением в этом самом динамично развивающемся мегаполисе США целых кварталов бедноты. Кроме того, практически все население города состояло из мигрантов – цифры, характеризующие приток новых жителей, потрясают: за 80 лет Чикаго вырос в 750 раз. Поэтому взаимодействие различных этнических группировок в экономической и социальной жизни города не могло не волновать элиту [4].

С другой стороны, проблемами бедности и маргинализации интересовались сами социологи Чикагского университета. Для них это были ключевые вопросы в контексте объяснения социально-исторического развития Америки. Многие из первых американских социологов были выходцами из семей священников, они воспитывались в духе традиционной протестантской этики. Для этих людей казалось абсолютно противоестественным возникновение нищеты в Америке, которую они считали страной огромных возможностей, где все могут достичь успеха. Другие же представители Чикагской школы (в основном студенты) сами были выходцами из низших слоев, некоторые эмигрировали из других стран, поэтому им был близок сам объект изучения.

Отдельного упоминания заслуживает один из ведущих ученых Чикагского университета Роберт Парк. Он не имел социологического образования и начинал как репортер чикагской газеты в 70-е годы XIX в. Уже тогда он собрал множество сведений о представителях городской бедноты. Впоследствии его интересовали расовые меньшинства: он работал секретарем у видного общественного деятеля, защитника прав чернокожего населения Ти Вашингтона. Первый же курс по социологической тематике, который Парк читал в Чикагском университете, назывался «Негры в Америке» [4]. В фокусе внимания лидера Чикагской школы всегда были представители низших слоев общества и их проблемы. Такой факт не мог не сказаться на научной деятельности школы в целом.

Сравнение наиболее общих параметров исследований

Прежде чем перейти к рассмотрению Чикагских социологических теорий по выделенным позициям, следует сравнить их с теориями андеркласса по самым общим параметрам: основные понятия и применяемые подходы. Именно представители Чикагской школы впервые ввели в социологический лексикон термины, с которыми впоследствии работали также исследователи андеркласса (маргинальность, девиация, делинквентность). Устоявшихся определений в начале XX в. еще не было, поэтому в работах чикагцев эти понятия часто неразличимы по смыслу. Их легче идентифицировать по авторскому принципу. Например, Парк чаще употреблял термин «маргинал», изучая мигрантов и расовые меньшинства [11]. В монографии Андерсона используется термин «девиант» как обозначение индивида с сильно отклоняющимся поведением, связанным с крайне низким социальным статусом [9]. Понятие «делинквентность» часто использовалось чикагскими «прикладниками» при изучении преступного мира.

В дальнейшем эти термины заимствовали социологи, занимавшиеся изучением нижних слоев общества, в том числе исследователи андеркласса. Разумеется, долгие годы употребления терминов в научном обороте «отшлифовали» их определения, сделали их более четкими. Однако это привело к «сужению» значений данных понятий, создав необходимость в дополнительных терминах (например, эксклюзия и депривация). Кроме того, чикагцы использовали преимущественно социологические (и даже социально-психологические) понятия, объясняя стратификационное положение нижних слоев отклонениями в функционировании социальной организации. Сторонники структурного понимания андеркласса находят причины его возникновения в экономической ситуации, соответственно, используя термины экономической социологии: застойная безработица, глубина бедности [2; 13; 12].

Терминологические нововведения отражают смену акцентов в исследовательских подходах и применяемых методах. Чикагских социологов интересовала специфика межличностного и межгруппового взаимодействия в мире девиантов, их социальные связи. Поэтому они придерживались качественной методологической ориентации, используя такие методы, как биографический, кейс-стади и включенное наблюдение. Андеркласс же – концепция, напрямую связанная с измерением бедности, которое традиционно осуществлялось с применением количественных, пришедших из экономики методик. Однако в последнее время социологи, изучающие нижние слои, склонны опираться как на количественные исследования, так и на качественные, поскольку их положение анализируется с точки зрения влияния не только структурно-экономических, но культурологических факторов. В целом, современные исследователи используют гораздо больший методический арсенал, нежели их чикагские предшественники.

Разумеется, важнейшим параметром, с которого необходимо начать сравнение, является сам объект изучения. Здесь важно отметить, что за 50 лет, разделяющих расцвет исследований Чикагского университета и классические работы по андерклассу, объект (нижние слои) претерпел колоссальные изменения вследствие социально-экономических преобразований. Рассуждать о сходстве и различии объектов крайне трудно по причине различия исторических условий, окружавших исследователей. Кроме того, Чикагская школа

была всеобъемлющим социологическим направлением: ее представители занимались изучением не только нижних слоев общества (хотя для них это был один из ключевых объектов исследований). Современные же исследователи андеркласса концентрируются именно на этом узком объекте. Поэтому в контексте данной работы более адекватным представляется сравнение отдельных, наиболее значимых аспектов объекта исследования, которыми и являются выделенные ранее позиции.

Взаимосвязь с программами социальной защиты малоимущих

Очевидно, что эта характерная черта теоретической конструкции андеркласса вряд ли может быть непосредственно выявлена в чикагских концепциях. Как уже отмечалось, возникновение феноменов андеркласса и социальной эксклюзии во второй половине XX в. было связано с масштабными программами помощи малоимущим. Эта черта присуща социальной политике так называемого «государства благоденствия», к которой западные страны обратились лишь после Второй мировой войны. В 20-е и 30-е годы, в период расцвета исследований Чикагской школы, исторические реалии были другими. В ту эпоху расслоение американского общества было очень велико, особенно наглядными и острыми общественные противоречия стали во время Великой депрессии. Чикагские социологи имели возможность наблюдать весьма контрастную социальную стратификацию.

Объектом их исследований становились самые нижние слои, зачастую не получавшие никакой помощи. Представитель Чикагской школы Нелс Андерсон в работе «Хобо» пишет, что в 20-е годы бродяги вынуждены были платить деньги за пребывание в ночлежках. Примечательно, что сами ночлежки, вне зависимости от условий проживания, он называет «hotels» [9]. В оплате любых услуг американское общество 20-х годов не предоставляло никаких «льгот» бедным гражданам.

Интересно сравнить эти наблюдения со взглядом на те же чикагские ночлежки Ильфа и Петрова, посетивших их через 12 лет после Андерсона и описавших в романе «Одноэтажная Америка». Казалось бы, советские писатели должны были воспринимать капиталистическое общество весьма ангажировано, через призму «антибуржуазного сознания». Однако их взгляд (если абстрагироваться от сатирической составляющей) оказался взглядом стороннего наблюдателя, четко подмечающего важные детали. Именно такие детали, емко характеризующие изменившееся отношение к бездомным, описаны в «Одноэтажной Америке». Бездомных в них принимали всего на одну ночь, но бесплатно и в сносных условиях. Помимо крыши над головой бродягам давали еду. Символической платой за такую помощь было прослушивание проповеди священника, рассказывавшего о том, как он сам, выходец из нижних слоев общества, многого достиг, обратившись к религии [3].

Ильф и Петров писали свои заметки в 1936 г., когда активно вводился «новый курс» Рузвельта, направленный на преодоление кризиса и сглаживание стратификационных противоречий. Андерсон провел свое исследование в 1923 г., когда о социальной помощи речь еще не шла. Разница в описаниях отражает не столько принципиальные различия взглядов американского студента-социолога и советских сатириков, сколько реальную динамику социальных отношений в Штатах.

Как уже говорилось, для американцев начала XX в. появление в их стране застойной бедности было настоящим вызовом, идеологической проблемой. Смириться с тем, что в их обществе существует довольно значительная прослойка людей, которая не принимает активного участия в экономической деятельности, и соответственно, живет в плохих условиях, означало признать ограниченность собственных убеждений. Такие люди не могли сами себе помочь, и, исходя из классической протестантской этики, никто не обязан был им помогать. Поэтому вопрос «Предоставлять или нет малоимущим дотации в государственных масштабах» был очень серьезной дилеммой.

Кроме того, важной характеристикой Чикагской социологии была ее практическая направленность, нацеленность на преобразование социальной реальности. Многие исследования нижних слоев общества, которые проводил Чикагский университет,

финансировались властями и благотворительными фондами именно с целью снять социальную напряженность в городе. Сведения, собираемые социологами, должны были послужить ответу на вопросы о том, насколько опасно наличие бедности для чикагской элиты и с помощью каких средств эту опасность можно минимизировать [4].

Важно отметить, что на теоретические воззрения представителей Чикагской школы сильно повлияли работы Георга Зиммеля. Этот немецкий социолог в рамках своих построений выделял социальный тип Бедняка, посвятив ему отдельную работу. Бедняка Зиммель определяет как индивида, который не в состоянии сам о себе позаботиться и нуждается в помощи общества. Принципиальный вопрос здесь тот же, что и для американских социологов: «Должно ли общество предоставлять ему помощь?» Зиммель считает, что однозначно должно, так как Бедняк является членом общества и уже в силу этого обстоятельства ему должны помогать.

Непосредственно на эту работу Зиммеля – «Экскурс о Бедняке» чикагские социологи в своих исследованиях маргиналов не ссылаются. Более того, в учебнике «Введение в социологическую науку» Парка и Берджесса среди множества переведенных статей Зиммеля «Экскурса о Бедняке» нет. Однако ведущий теоретик Чикагской школы Роберт Парк, слушавший в Германии курс Зиммеля по социологии, несомненно был под влиянием его идей [11]. Поэтому можно утверждать, что теоретический интерес к проблемам бедности и маргинальности среди американских социологов в определенном смысле обусловлен воззрениями европейского классика.

Интерес к проблемам расовых и этнических меньшинств

Влияние Зиммеля заметно сказалось также на интересе Парка и его учеников к изучению этнических меньшинств и мигрантов. Классическая работа Парка «Миграция и маргинальная личность» перекликается с очерком Зиммеля «Социологическая значимость Чужака». В ней лидер Чикагской школы прямо определял маргиналов как «людей смешанной крови, или мигрантов» в силу обстоятельств оказавшихся «живущими одновременно в двух мирах, в каждом из которых, в той или иной степени, они являются чужаками» [11]. Проблему маргинальности, ставшую впоследствии ключевой в изучении андеркласса, Парк выводил из межэтнических взаимодействий.

Несмотря на пристальный интерес к изучению нижних слоев общества, чикагских социологов вряд ли можно назвать стратификаторами. Стратификационные различия для представителей этой научной школы носили второстепенный характер, точнее, они уделяли большее внимание горизонтальному расслоению (например, на основе этнических и культурных признаков), а не вертикальному. В этом смысле их вполне обоснованно можно считать предшественниками теорий маргинализации и социальной эксклюзии.

Студенты Парка в 20-е годы провели серию исследований выходцев из Китая и Японии, проживавших на Тихоокеанском побережье. Опираясь на эти эмпирические сведения, Парк теоретически обосновал стигматизацию мигрантов. По его мнению, главное препятствие для ассимиляции – не различия в адаптивных способностях разных этнических групп, как в его время считали многие, а сложившийся у местного населения образ мигранта. К примеру, белые американцы воспринимают жителя Чайнатауна не как самостоятельного индивида, а огрубленно, примитивно, как азиата. Определенные внешние признаки расы становятся символом, указывающим именно на групповую принадлежность индивида и стирающим его личностную специфику [11; 8]. Помимо теоретических рассуждений, следует упомянуть и практическую составляющую этих исследований – ведь Чикагская школа известна в первую очередь прикладным характером своих изысканий. Многие работы чикагцев имели практической целью «искоренение дискриминации меньшинств путем разработки образовательных и социальных программ, стимулирующих межгрупповое, межэтническое и межрасовое общение» [10].

В отношении чернокожего населения Чикагский университет провел еще более масштабное исследование. Результатом его явилась вышедшая в 1919 г. работа «Негры в

Чикаго», основным автором которой был Ч. Джонсон. Был проанализирован огромный массив информации, собранный с использованием множества методов: от количественных до включенного наблюдения. Полученные выводы оказались схожими с выводами Парка о японских и китайских иммигрантах. По наблюдениям авторов, изучавших наследие чикагской школы, работа «Негры в Америке» до сих пор часто цитируется в исследованиях о чернокожем андерклассе и депривации во «внутренних городах» [6].

Несмотря на упомянутые выше резкие, контрастные различия между разными стратами американского общества (особенно заметные в Чикаго), Парк и его ученики считали эти вертикальные различия следствием различий горизонтальных. По их мнению, неблагоприятное положение мигрантов и чернокожих по сравнению с белым населением США, было следствием действия таких факторов, как расовые предрассудки и стигматизация. Влияние этих факторов на снижение стратификационной позиции опосредовано отказом работодателей принимать представителей этнических меньшинств на работу (ср. мнение Уилсона [13]). Такая же дискриминация имеет место в образовании, усугубляя тем самым невозможность получить работу.

Здесь можно провести прямую аналогию с точкой зрения некоторых современных исследователей андеркласса, сторонников культурологического подхода, объясняющих низкие стратификационные позиции этой группы на основе этнически обусловленной субкультуры меньшинств. Парадоксально, что в наше время эта точка зрения более характерна для социологов не в Америке, а в Великобритании, где масштабы расовых и этнических проблем значительно меньше. С другой стороны, этот парадокс объясним: во-первых, рассуждать о расовой дискриминации в США надо очень осторожно, здесь политкорректность может повредить научной достоверности. Во-вторых, Великобритания сейчас переживает те же проблемы, что и Америка в начале XX в.: после распада колониальной системы в Англию хлынул поток мигрантов, которые испытывают естественные трудности с адаптацией. Поэтому отдельные кварталы Лондона в начале XXI в. очень напоминают Чикаго столетней давности.

Пространственная концентрированность в неблагополучных кварталах-гетто

В этом вопросе представления чикагских социологов мало в чем отличаются от современных представлений об андерклассе. Социологи Чикагского университета неоднократно проводили районирование города, составляли его социальную карту. Предметом их эмпирических исследований становились различные неблагополучные городские кварталы, схожие с современными «внутренними городами» американских мегаполисов. Например, Харви Зорбаг провел сравнительное исследование чикагских трущоб и престижного района «Золотой берег» (работа «Золотой берег и трущобы»). По его мнению, существует закономерность, в соответствии с которой наиболее криминогенные районы, где скапливается городская беднота, располагаются в непосредственной близости от места проживания богатых горожан. Именно тогда для жителей трущоб преступность (в первую очередь воровство) и попрошайничество будут эффективными способами выживания. Зорбаг одним из первых доказал, что склонность к преступной деятельности тесно связана с районом проживания. Впоследствии этот тезис был взят на вооружение Уилсоном, Рансиманом и многими другими исследователями андеркласса, работающими с понятием «внутренний город» [2; 13].

Другой чикагский социолог – Нелс Андерсон даже придумал название для квартала Чикаго, где располагались ночлежки для бездомных – Хобогемии. Название пошло от американского слова «хобо», обозначающего странствующего рабочего, бродягу. Андерсон некоторое время жил в этом районе, изучал быт бродяг, их социальную организацию. Он пришел к выводу, что каждый большой город обладает таким местом скопления бродяг, попадая куда, эти люди становятся фиксированными в пространстве, что резко меняет их образ жизни и социальные связи [8].

Роберт Парк, анализируя жизнь чикагских гетто, построил многие положения своей социальной экологии. По его мнению, в городах происходит территориальная борьба за выживание между районами. Особенно нагляден этот процесс в таком городе, как Чикаго – населенном иммигрантами, представителями совершенно разных культур. Здесь напрашивается социал-дарвинистская аналогия с борьбой популяций животных за ареал обитания. Хотя Парк непосредственно такой аналогии не приводил, считая ее слишком грубой и примитивной, тем не менее, в упрощенном варианте она адекватно отражает суть его теории.

Главное достижение Чикагской школы в области социологии города – масштабный Чикагский зональный проект (Chicago Area Project), непосредственно связанный с изучением девиации и делинквентности. Проект был выполнен по заказу городских властей, которым требовалось узнать, в каких районах Чикаго наиболее остро стоят проблемы подростковой преступности и какими методами с ней можно бороться. Постановка задачи напоминает современные реалии неблагополучных «внутренних городов».

Работавшие над проектом социологи выяснили, что в таких гетто делинквентность является результатом специфической социализации, это «продукт социального научения» [7]. Сформировавшаяся социальная среда, окружение подростка обуславливает отклонения его поведения от нормального. Отсюда, в свою очередь, происходит застойная преступность, передающаяся из поколения в поколение. Все эти явления наблюдаются и в современных гетто, населенных представителями нижних слоев общества.

Девиантное поведение

Девиация, делинквентность и маргинальность – однозначно ключевые понятия в концепциях Чикагской школы, достаточно бегло просмотреть список работ чикагских студентов и молодых исследователей-прикладников: «Братья по преступлению», «Естественная история делинквентной карьеры», «Банды», «Районы делинквентности», «Джек Роллер» (подлинная биография молодого преступника) и многие другие. Это перечисление говорит о подлинном интересе социологов Чикагского университета к проблемам отклонения от общепринятого поведения. Однако очевидно, что они технически не могли бы провести столько исследований, если бы на это не выделялись средства властями и Фондом Рокфеллера, главным спонсором научной деятельности университета. Наличие же финансирования говорит о существовавшем социальном заказе на изучение проблематики девиации.

Как уже отмечалось, Чикаго в первой трети XX в. представлял собой реальное воплощение модели «плавильного котла», который просто не успевал ассимилировать новые этнические группы, что порождало конфликты и преступность. Такая ситуация не вписывалась в американское понимание социальной реальности, идущее от протестантских корней. Поэтому возникла упомянутая социологическая дилемма – является ли бедность и девиация производными от личной неспособности индивида достичь успеха или же это патология общества.

Вариант личной «патологии» чикагскими социологами был отклонен, хотя и не полностью. Патология же общества рассматривалась ими как нарушение функционирования системы социальной организации. Они признавали наличие в обществе (точнее, в большей его части) единой, конвенциональной социальной организации. В больших, динамично развивающихся городах, каким был Чикаго в начале XX в, интенсивное развитие социальной организации часто не успевает за экстенсивным развитием самого социума. Тогда возникает дезорганизация, единая конвенциональная система распадается на множество мелких. Внутри каждой из них существует своя система социальных связей и ролей, непохожая на другие, однако вместе они оказываются частью целого сложного социального комплекса [8]. Девиация представляет собой, таким образом, отклонение от конвенциональной социальной организации – исключение из основной части общества с его правилами и нормами.

Чикагские социологи действительно рассматривали нижние слои не с экономической позиции – как бедных или депривированных, а как исключенных, маргинализированных. Такая интерпретация сути проблемы напоминает современную концепцию социальной эксклюзии, представляющую собой своего рода континентально-европейский аналог англо-американской теории андеркласса. Однако если для андеркласса ключевым является его понимание как социального слоя, института или группового состояния (т.е. как элемента более или менее статичной социальной структуры), то для социальной эксклюзии важно ее понимание как динамичного, изменяющегося во времени процесса. Социальная эксклюзия подразумевает ограничение доступа нижних слоев к институтам общественной интеграции, когда большинство сознательно или несознательно отстраняет некоторые группы от участия в значимых взаимодействиях (например, на рынке труда). Таким образом, вертикальная стратификация замещается горизонтальной дифференциацией на «инсайдеров» и «аутсайдеров» [1]. Первые примеры подобного подхода к изучению нижних слоев намечаются именно у чикагских социологов.

Заключение

Приведенные выше взгляды сведены в общую сравнительную таблицу (табл. 1), которая суммирует по основным позициям воззрения современных исследователей андеркласса и представителей Чикагской школы на проблемы нижних слоев общества. Подытоживая, необходимо сказать, что объект изучения представителей Чикагской школы не был андерклассом в современном смысле слова в силу исторических причин: еще не сформировались условия для зависимости малоимущих от государственной помощи. Однако чикагских социологов по праву можно считать «предтечами» современных авторов: подходы к изучению нижних слоев и задачи, стоящие перед исследователями, схожи по большинству параметров.

Литература

1. *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность.* 2001. №2. С. 158-166.
2. *Моррис Л.* Понятие *underclass*'а // *Экономическая социология.* 2000. Т. 1. №1. С. 67-91 <<http://www.ecsoc.msses.ru>>.
3. *Ильф И., Петров Е.* Одноэтажная Америка // *Собрание соч. в 5 т., Т. 3.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 7-450.
4. *Bulmer M.* The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity and rise of sociological research. Chicago: The University of Chicago Press, 1984.
5. *Concoran M.* Rags to rags: Poverty and mobility in the United States // *Annual Review of Sociology.* Vol. 21, 1995. P. 237-267.
6. *Farber N.* Charles S. Johnson's "The Negro in Chicago" // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 209-220.
7. *Kobrin S.* The Chicago Area Project – a 25-year assessment // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 161-174.
8. *Lyman S.* The race relations cycle of Robert Park // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 221-230.
9. *Matza D.* Becoming deviant // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 121-140.
10. *Miller Z.* Pluralism, Chicago school style: Louis Wirth, the Ghetto, the City and "Integration" // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 47-72.

11. *Park R.* Migration and marginal man // *The American Journal of Sociology*. Vol. 33, No. 6, 1928. P. 881-893.
12. *Wilson W.J.* The jobless poverty // *Social stratification: Class, race and gender in sociological perspective* / Ed. D. Grusky. P. 651-659.
13. *Wilson W.J.* The truly disadvantaged: The inner city, the underclass and public policy // *Social stratification: Class, race and gender in sociological perspective* / Ed. D. Grusky. P. 560-567.

Таблица 1. Сравнение современных теорий андеркласса с концепциями Чикагской школы

Позиция	Взгляды современных социологов	Взгляды чикагских социологов
Взаимосвязь с социальными программами защиты малоимущих	Зависимость от социальной помощи – одна из основных причин возникновения андеркласса, она меняет образ жизни нижних слоев, структуру семьи, стимулирует безработицу	Во время расцвета Чикагской школы не было масштабных программ социальной защиты, значит, не мог сформироваться слой, зависимый от них. Однако заказ на исследования нищеты в Чикаго был обусловлен задачей борьбы с бедностью
Интерес к проблемам расовых и этнических меньшинств	Основная масса андеркласса – расовые и этнические меньшинства. Некоторые исследователи считают проблемы андеркласса следствием дискриминации, миграционных процессов и сращивания этнических культур с культурой бедности	«Чикагцы» - первые, кто обратился к изучению проблем маргинальности и адаптации мигрантов в новой культурной среде. Они изучали влияние этнической дискриминации и стигматизации на экономическое поведение меньшинств и их стратификационные позиции
Концентрированность в неблагополучных районах-гетто	Изолированность нижних слоев в гетто, «внутренних городах» усугубляет проблемы андеркласса, формирует механизм межпоколенческого воспроизводства культуры бедности	Проблемы формирования бедных слоев и девиации изучались на материале неблагополучных районов Чикаго. Представители школы разрабатывали идеи о взаимосвязи делинквентного поведения с местом проживания
Девиантное поведение	Склонность к девиации представителей андеркласса формируется во время социализации, закрепляющей конртекстуальные нормы. Преступность и участие в теневой экономике связаны с безработицей	Девиация – результат дезорганизации общества во время чрезмерно динамичного экстенсивного развития и урбанизации. Новые члены социума (мигранты) не успевают адаптироваться и воспроизводят отклоняющееся поведение